

Ю.Г. Бит-Юнан, Д.О. Пащенко

Протестное письмо в «Литературной газете» как форма управления советским литературным процессом

Авторы статьи выявляют прагматику публикации протестного письма В.Т. Шаламова, опубликованного «Литературной газетой» в феврале 1972 г. Анализируя материалы эмигрантской периодической печати, они также устанавливают причины, в силу которых знакомые Шаламова осудили его за этот поступок и репутация писателя существенно пострадала.

Ключевые слова: В.Т. Шаламов, В.Н. Войнович, В.С. Гроссман, «Колымские рассказы», «Литературная газета», «Новый журнал», «Посев», «Грани»

В.Т. Шаламов современному читателю известен преимущественно как создатель «Колымских рассказов», однако в советской литературной парадигме не было Шаламова-прозаика – был только Шаламов-поэт, чьи стихотворные сборники публиковались в 1961–1977 гг.¹ Добиться публикации «Колымских рассказов» при жизни Шаламов не смог. Он отнес рукопись на рассмотрение в редакцию «Нового мира» вскоре после появления в нем «Одного дня Ивана Денисовича», однако ему отказали: лагерная проза Шаламова оказалась далеко за гранью допустимого, установленной солженицынской повестью².

Впервые на родине автора «Колымские рассказы» были опубликованы только в 1988 г., через 6 лет после его смерти³. Однако было бы неправильно сказать, что при его жизни эти сочинения не публиковались вовсе. С 1966 г. «Колымские рассказы» печатались в американском эмигрантском «Новом журнале»⁴, также они появились в немецких эмигрантских журналах «Посев»⁵ и «Грани»⁶.

В СССР об этом знали лишь немногие находившие возможность читать тамиздатовскую продукцию. Однако 23 февраля 1972 г. в «Литературной газете» о нелегальной публикации «Колымских рассказов» в антисоветской эмигрантской прессе заявил сам автор, причем в гневном тоне:

Считаю необходимым заявить, что я никогда не вступал в сотрудничество с антисоветскими журналами «Посев» или «Новый журнал», а также и с другими зарубежными изданиями, ведущими постыдную антисоветскую деятельность.

<...>

Ни один уважающий себя советский писатель не уронит своего достоинства, не запятнает чести публикацией в этом зловонном антисоветском листке своих произведений.

Все сказанное относится к любым белогвардейским изданиям за границей. Зачем же им понадобился я в свои шестьдесят пять лет?

Проблематика «Колымских рассказов» давно снята жизнью, и представлять меня миру в роли подпольного антисоветчика, «внутреннего эмигранта» господам из «Посева» и «Нового журнала» и их хозяевам не удастся!⁷

Прагматика этого письма кажется вполне прозрачной. Шаламов был разозлен тем, что, по его собственному заявлению, рассказы были напечатаны без его ведома и согласия. Это, безусловно, создавало ему, советскому поэту, репутационные проблемы. Он, безусловно, не был одним из самых успешных и плодовитых авторов, но все же его печатали – у него было имя и место в советской литературе. Кроме того, Шаламов отнюдь не был богат и мог лишиться возможности зарабатывать на жизнь литературным трудом в СССР. За зарубежные же публикации писатель, по утверждению наиболее авторитетного исследователя его жизни и творчества В.В. Есипова, не получил «ни копейки»⁸. По воспоминаниям ближайшей подруги и хранителя шаламовского архива И.П. Сиротинской, Шаламов был убежден, что работа писателя всегда должна оплачиваться. Однажды он заявил ей: «Если слава придет ко мне без денег, я выгону ее за дверь»⁹. И уже позже, когда Шаламов находился в доме престарелых, ощутив вышедший в лондонском издательстве “Overseas Publications” сборник своих рассказов, единственное, что он сказал: «Но ведь должны быть деньги»¹⁰.

Иначе говоря, Шаламова нетрудно было бы понять. Оскорбленный писатель пытался обезопасить свою репутацию, однако

именно последнего ему и не удалось добиться. В дневнике советского драматурга и киносценариста А.К. Гладкова записано, что в начале марта 1972 г. он говорил с писателем А.Н. Рыбаковым, и тот осудил Шаламова за слабость. Фрагменты дневника печатаются журналами «Новый мир» и «Знамя»¹¹; эпизоды, посвященные Шаламову, уже размещены на сайте Shalamov.ru отечественным литературоведом М.Ю. Михеевым¹². Известный историк М.Я. Геллер, находившийся тогда уже в эмиграции, также оставил нелестный отзыв о поступке Шаламова в польском журнале «Культура» летом 1972 г. Позднее его статьи были включены в сборник «Российские заметки: 1969–1979»¹³. Но наиболее категоричным был А.И. Солженицын, высказавшийся от лица всех противников Советского Союза на страницах «Архипелага ГУЛаг»: «Отречение было напечатано в траурной рамке, и так мы поняли все, что – умер Шаламов»¹⁴. Замечание это было сделано оперативно – в 1972 г.

Однако для Шаламова самым болезненным, вероятно, было то, что в нем глубоко разочаровалась Сиротинская. В мемуарах 2006 г. «Мой друг Варлам Шаламов» она призналась: «Для меня это было крушением героя»¹⁵.

В данной статье предпринимается попытка объяснить, чем именно была вызвана столь острая реакция знавших Шаламова лично и заочно.

* * *

Почти сразу после публикации протестного письма редакция «Посева» решила принять «симметричные меры» и опубликовала редакционное обращение к руководству «Литературной газеты». Эмигранты выражали недовольство тем, что письмо их руководителя Л.А. Рара, направленное в «Литературную газету», не было там опубликовано (хотя полагать, что «Литературная газета» вступает в полемику с «Посевом», было по меньшей мере странно). Там же говорилось и о том, почему письмо Шаламова, с их точки зрения, появилось именно теперь, по прошествии пяти лет после начала публикации «Колымских рассказов» в «Посеве»:

Ясно, что это – один из элементов общей кампании нажима на писателей, попытка лишить их отвоєванного уже права печататься в Самиздате и за границей. Мы знаем о кампании против Солженицына и Галича, слышим о давлении на Максимова. Мы утверждаем: когда поддается давлению один, положение других становится более трудным¹⁶.

О каком именно отвоёванном писателями праве на публикацию в самиздате и тамиздате шла речь, не сообщалось. Само по себе высказывание это звучало весьма странно, ведь Ю.М. Даниэль и А.Д. Синявский только недавно вышли из тюрьмы, где оказались в 1966 г. именно потому, что позволили себе публиковаться за границей под псевдонимом. В начале 1967 г. фигурантами уголовного процесса стали составители и авторы сборника «Феникс 1966»: А.И. Гинзбург, А.Т. Галансков, А.А. Добровольский, В.И. Лашкова¹⁷. Если же речь шла о публикациях через «Иностранную книгу», то тут слова делом не подкреплялись. Друг Шаламова М.Н. Авербах пытался вести переговоры с «Иностранной книгой», однако результата не добился, о чем писал Шаламову 8 октября 1968 г.: «Не пустили, ответила секретарь: “Видите ли: СССР не имеет никаких договоров с зарубежными странами об охране авторских прав. Поэтому мы ничего абсолютно сделать не можем...”»¹⁸. И с этим действительно невозможно было поспорить. СССР присоединился к Женевской конвенции только 27 июня 1973 г.

Поэтому единственным серьезным аргументом было то обстоятельство, что письмо появилось формально с большим опозданием – писать надо было раньше, а фактически – в самое удобное для СП СССР время. Упомянутый в предисловии А.А. Галич был исключен из СП СССР в 1971 г., формальным поводом, кстати, послужило то, что двумя годами ранее в «Посеве» вышел сборник его стихотворений¹⁹. Конфликт Солженицына с руководством СП шел не первый год (и закончился высылкой Солженицына в 1974 г.), против В.Е. Максимова действительно велась кампания, поскольку его роман «Семь дней творения», запрещенный к публикации в СССР, попал сначала в самиздат, а потом и в тамиздат²⁰. Позже, в 1973 г., то же произошло и с романом «Карантин»²¹, после чего Максимов был исключен из СП СССР, а в 1974 г. эмигрировал во Францию (там, впрочем, его карьера пошла в гору: он основал крупнейший европейский литературно-критический журнал «Континент»).

В письме же Шаламова были однозначно охарактеризованы и представители эмиграции, и их издания, и те, кто с эмигрантами сотрудничает. Следовательно, оставалось всего два варианта: либо Шаламов специально выгадывал время, чтобы нанести удар по репутации эмигрантов внешних и внутренних, либо его попросили написать это письмо. Однако заподозрить Шаламова в злом умысле никто бы не решился: это противоречило его образу. Следовательно, оставалась вторая версия. Можно было бы предположить, что Шаламов не знал о заграничных публикациях, но такое

предположение опровергается документально. В августе 1967 г. в парижской эмигрантской газете «Русская мысль» была опубликована рецензия поэта и авторитетнейшего литературного критика Г.В. Адамовича на шаламовский стихотворный сборник «Дорога и судьба». Упоминались в ней и «Колымские рассказы»:

Едва ли кто-нибудь из читавших «Колымские рассказы» Варлама Шаламова, – не так давно помещенные без ведома автора в двух книжках «Нового журнала», – в состоянии их забыть. На мой взгляд, они страшнее и ужаснее, чем прогремевший на весь свет «Один день Ивана Денисовича», и появившись эти короткие наброски не в эмигрантском, а в советском издании, они вызвали бы, вероятно, не меньше шума и толков²².

Это был первый в эмигрантской прессе отзыв о «Колымских рассказах». И, по словам литературоведа О.Н. Михайлова, в том же 1967 году он отправил его Шаламову почтой²³. В ответном письме от 22 декабря 1967 г. Шаламов благодарил Михайлова за приложенную рецензию Адамовича, а в корреспонденции от 2 февраля 1968 г. писал, что эта рецензия «умна, значительна, сердечна. И – раскованна»²⁴. Следовательно, версия о неосведомленности Шаламова отпадает.

Под общередакционным обращением «Посева» было напечатано открытое письмо Л.А. Рара к дирекции «Литературной газеты». Он обращал внимание читателей преимущественно на библиографические неточности и стилистические особенности шаламовского письма:

Если автор письма действительно уже давно и хорошо знаком с «Посевом», то он должен был заметить, что рассказы Варлама Шаламова мы печатали всего один-единственный раз, в выпуске от 7 января 1967 года («Почерк» и «Калигула»).

<...>

Первый напечатанный нами рассказ Варлама Шаламова (а таким образом и вообще первый напечатанный его рассказ, ибо в России его проза не печатается) назывался «Почерк». И мы обратили внимание именно на почерк опубликованного Вами «письма в редакцию», под которым стоит подпись Варлама Шаламова. Необходимо отметить, что почерк этот совсем не тот!²⁵

С библиографической точки зрения письмо Рара неидеально. Первые рассказы Шаламова появились в советской периодике еще в 1930-х годах²⁶. В 1965 г. в журнале «Сельская молодежь» был

помещен рассказ «Стланик», принадлежащий к «колымскому циклу»²⁷. И со следующего, 1966 года «Колымские рассказы» печатались в эмигрантском «Новом журнале»²⁸. Поэтому редакторы «Посева» никак не могли назвать себя первыми публикаторами Шаламова. Также стоит отметить, что громкое заявление Рара, будто бы «почерк этот совсем не тот», не более чем художественный образ. В «Литературной газете» была опубликована не фотография рукописи, а текст, набранный в типографии. Поэтому почерковедческого заключения Рар вынести не мог.

Однако есть в его обращении и обоснованные претензии. Рассказы Шаламова действительно в «Посеве» регулярно не публиковались. Продолжающейся была публикация в «Новом журнале». И хоть это и было слабым аргументом, все-таки можно было предположить, что подписавший письмо своей тамиздатовской библиографии досконально не знал и просто доверился чужому мнению.

Впрочем, обращение Рара было, по сути, лишь подготовкой к серьезному и открытому разговору. Далее приводились еще два открытых письма к Шаламову. Первое, озаглавленное «Последний страшный рассказ», было якобы написано неким другом Шаламова, взявшим псевдоним «Бродячий актер»²⁹. Помимо театральной позы (в прямом и переносном смысле этого выражения), в таком именовании была определенная логика. По свидетельству самого «Бродячего актера», с Шаламовым он познакомился «за кулисами лагерного театра», поэтому сам Шаламов без труда узнал бы адресанта. Догадался бы, кто он такой, «по когтям» автора и КГБ. И все же, по убеждению редакции «Посева», личности «Бродячего актера» раскрывать не стоило.

Псевдоним явно отсылал к рассказу Шаламова «Эсперанто», одного из героев которого Шаламов сам называл «бродячим актером»³⁰. Власти сочли его опасным и осудили на каторжные работы, поскольку он владел эсперанто. По предположению исследователя жизни и творчества Шаламова Д. Нича, прообразом героя рассказа и автором письма в «Посев» мог быть Н.Н. Рытьков – советский актер, член общества эсперантистов, отбывавший заключение в исправительно-трудовом лагере в то же время, что и Шаламов. Впоследствии он бежал из СССР и устроился диктором на Русскую службу Би-би-си³¹.

«Бродячий актер» называет Шаламова талантливым, но очень жестоким и мрачным прозаиком. Именно его пессимизм не позволяет ему подняться на один уровень с «живым классиком» эмигрантов – Солженицыным.

«Бродячий актер» также упоминает автора мемуаров «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург (первый том публиковался журналом «Грани» в 1967 – 1968 гг.³²) и советского диссидента А.Т. Марченко. Последний поведал самиздатовской, а впоследствии и тамиздатовской аудитории о советских политических лагерях и тюрьмах в опубликованных в 1969 г. воспоминаниях «Мои показания»³³. Упоминает «Бродячий актер» и некоего Л. Гроссмана, который, по его определению, «стоит особняком» и пишет о лагерях «удивительно верно», хотя и чувствуется, что «с чужих слов». Никакого Л. Гроссмана, писавшего о лагерях нам тем не менее в советской литературе обнаружить не удалось. Вероятно, все же имеется в виду В.С. Гроссман, писавший о лагерях как в романе «Жизнь и судьба», так и в повести «Все течет...». И писал он действительно с чужих слов, поскольку сам в них не был.

Но самый «страшный рассказ» Шаламова, по словам «Бродячего актера», появился только в 1972 г. – и назывался он «Письмо в редакцию». Письмо это настолько шокировало «Бродячего актера», что тот так и «ахнул». И тут же ему невольно подумалось: «Да что ему (опять!) пальцы дверью прищемили? Ни один писатель Самиздата – коль скоро его не печатают дома – не “отмежевался” от своих произведений, появившихся в тамиздате “без ведома и согласия автора”». Фраза «(опять!) пальцы дверью прищемили» служила прозрачным намеком на обстоятельства «написания» протестного письма, поскольку явно отсылала к особенностям советской следственной процедуры после августа 1937 г., когда следователям было позволено бить заключенных. Затем от намеков «Бродячий актер» и вовсе отказывается: «Явно ощущается все же, что Шаламов только соавтор этого письма. Небось, махнул своей костлявой, дрожащей рукой: Э! чем хуже, тем лучше... Люди поймут и простят меня шестидесятипятилетнего инвалида. Неужели не почувствуют, что этот “протест” у меня вырвали?»

Вероятно, предполагалось, что подобное письмо может быть написано в резком тоне, ведь гнев адресанта был праведным: он осуждал отступника. К тому же «Бродячий актер» предположил, что на Шаламова не только давили: «Со временем станет известно, как добились своего организаторы этого письма. Наверно, действовали пряником, а больше – кнутом. Могли так или иначе сыграть на близких людях старика. Это они умеют...»

Разочарование «Бродячего актера» было тем более горьким, что, подписав письмо, Шаламов будто продемонстрировал и легальным, и нелегальным своим читателям готовность закрыть глаза на жестокое прошлое России: «Самое чудовищное в этом самоот-

речении писателя утверждение, будто “проблематика ‘Колымских рассказов’ давно снята жизнью”. Ох, если бы!». Упрек этот вполне предсказуемый. Действия Шаламова развеивали образ мученика, едва не погибшего в сталинских лагерях, и противоречили естественной для русской культуры вере, что человек искусства выше всего должен ценить свой труд. И ради его сохранения для потомков должен преодолевать любые невзгоды.

В том же номере было напечатано еще одно открытое письмо, его автором был некий С. Горянов, личность которого до сих пор не удалось установить³⁴. Как и «Бродячий актер», он был уверен, что Шаламова вынудили выступить против «Посева» и, подобно Рару, отказывался верить в то, что письмо было написано самим Шаламовым. Однако в отличие от «Бродячего актера», прозрачно намекавшего на то, что история с письмом – это акция КГБ, Горянов решил снять все эвфемизмы и написать об этом настолько прямолинейно, насколько позволял жанр открытого письма:

Трудно поверить, что Вы могли написать подобный пасквиль или хотя бы дать согласие на его опубликование. Суконный язык, словно бы из райкинских скетчей, неумная злоба и беспардонная ложь с головою выдают подлинных авторов.

<...>

Замысел кагебистской провокации по отношению к Вам прост: показать, что поэт Шаламов, «человек трудной судьбы», потерявший здоровье и годы жизни в сталинских лагерях, не в пример иным «упрямым» собратьям по перу, дорожит своей честью советского писателя и гневно клеймит происки закордонных идеологических диверсантов. Или, говоря поглубей и попроще: показать, что Шаламов ссучился.

Упоминание о возрасте и болезни Шаламова здесь не более чем обязательная формальность. Адресант демонстрирует, что любые обстоятельства, которые можно было бы считать смягчающими вину отступника, не имеют силы и не искупают вины Шаламова перед диссидентским сообществом:

Но рядом с Вами живет академик Сахаров, презревший покой и почести, ставший адвокатом рабов, героев и молчаливых.

Но из психотюрем и спецлагерей доходят до нас голоса Буковского, Григоренко, Галанскова...

Можно ли сопоставить судьбу Шаламова с судьбой Сахарова, Буковского, Григоренко и Галанскова – отдельный вопрос. Важно

другое. Именно в письме Горянова Шаламову открыто предъявлено то обвинение, на которое могли только намекать его товарищи в СССР. Автор «Колымских рассказов» либо отступил под натиском КГБ, либо заключил с ним сделку. Пошел навстречу тем, кто посадил его в общей сложности почти на 17 лет (1929–1931, 1937–1951 гг.), разлучил с семьей и лишил здоровья. Иначе не объяснить, почему письмо появилось через пять лет после первой и последней публикации в «Посеве». Горянов, кстати, на это обстоятельство также указывал: «“Посев” <...> напечатал только два Ваших рассказа в одном номере, да и то пять лет тому назад». Поэтому история создания и публикации протестного письма Шаламова стала очень сложным и болезненным вопросом.

Неизвестно, к чему больше склонялись эмигранты, однако шаламовское окружение не сомневалось в том, что письмо в «Литературную газету» было компромиссом. Об этом писали упомянутые выше Сиротинская и Гладков.

Приводим выдержку из мемуаров Сиротинской:

Книжку «Московские облака» никак не сдавали в печать. Варлам Тихонович бегал и советовался в «Юность» – к Б. Полевому и Н. Злотникову, в «Литгазету» к Н. Мармерштейну, в «Советский писатель» – к В. Фогельсону. Приходил издерганный, злой и отчаявшийся. «Я в списках. Надо писать письмо». Я сказала: «Не надо. Это – потерять лицо. Не надо. Я чувствую всей душой – не надо».

Через несколько дней Сиротинская увидела на столе Шаламова черновик письма, потом в «Литературной газете» появилась его окончательная редакция. «А книжка “Московские облака” была сдана в набор 17 апреля 1972 года», – завершает рассказ Сиротинская³⁵.

Такую же связь прослеживал и Гладков:

23 фев. Сегодня в «Лит. газете» письмо в редакцию В. Шаламова. А только вчера я послал ему записку с предложением встретиться в воскресенье. Любопытно, что заставило его так написать? Беспочинно это не делается. Он не член Союза и там давление на него оказать вряд ли могли. Но его книжка стихов в плане «Сов. пис.». И все же меня это письмо удивило. В нем говорится, что «проблематика “Колымских рассказов” снята жизнью».

<...>

29 июля. Прочитал в «Книжном обозрении», что вышла новая книжка стихов В. Шаламова «Московские облака». Это точно сработало его письмо³⁶.

Действительно, сборник «Московские облака» был сдан в набор 17 апреля и подписан к печати 29 мая 1972 г.³⁷ Учитывая свидетельства Сиротинской и Гладкова, трудно признать такое совпадение случайным.

Есть, впрочем, еще одно доказательство, что эта операция проходила при участии органов госбезопасности.

Двумя годами ранее схожая ситуация произошла с В.Н. Войновичем. Первая часть его романа «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» была опубликована в «Гранях» с пояснением, что рукопись рассматривалась редакцией «Нового мира», но так и не была там напечатана, а вместо того появилась в самиздате³⁸.

А в 1970 г. в «Литературной газете» появилось письмо-опровержение Войновича, некоторые речевые обороты которого буквально совпадали с формулировками в шаламовском письме³⁹. Так, письмо Войновича начиналось со слов: «Мне стало известно, что издающийся в ФРГ антисоветский журнал “Грани”...». Первое предложение письма Шаламова было практически таким же: «Мне стало известно, что издающийся в Западной Германии антисоветский журнальчик на русском языке “Посев”...». Этим сходства не ограничиваются. Для характеристики целей, которые якобы преследует редакция «Граней», в письме Войновича использованы резко негативные эпитеты: «Я глубоко возмущен гангстерской акцией этого так называемого журнала, преследующего *грязные* и явно *провокационные цели*». Точно такая же лексика обнаруживается в письме Шаламова: «Я отдаю себе полный отчет в том, какие *грязные цели* преследуют подобными издательскими маневрами господ из “Посева”... <...> Эти господа <...> идут на любую *провокацию*...». Трудно поверить, что два столь разных писателя могли написать письма с одинаковыми клише.

В автобиографическом сочинении «Автопортрет: роман моей жизни» Войнович описал историю появления этого письма. Вскоре после публикации в «Гранях» секретарь СП СССР генерал-лейтенант В.Н. Ильин вызвал к себе Войновича и сказал, что следует ответить антисоветчикам. Войновичу было практически не на что жить, поэтому он согласился:

Пишу приблизительно так: «Мне стало известно, что журнал “Грани” напечатал небольшую часть моего незаконченного романа, на что я никому не давал разрешения. Я протестую». Ильин пошевелил губами, взял авторучку и перед словом «журнал» вписал эпитеты: «антисоветский, так называемый» и еще что-то о грязной политике-

ской провокации. Я говорю, что это не пойдет. Он тут же согласился: вычеркиваем. Вычеркнули. Я подписал. Ильин доволен:

– Хотите яблочка?

– Нет, спасибо.

Через неделю «Литературка» мой протест опубликовала. В версии Ильина. Со всеми его словами: «так называемый» и «грязная провокация». Так что автором по крайней мере половины слов является он. Но протестовать против этого бесполезно и негде. Разве что в тех же «Гранях»⁴⁰.

Отметим тем не менее, что с советской властью у Войновича отношения наладились лишь на короткое время. Уже через два года его отношения с руководством СП СССР снова обострились⁴¹. Кончилось все тем, что в 1980 г. он был выслан из СССР и вскоре лишен советского гражданства. Однако важно другое. В определенном смысле Рар и Горянов были правы. Почерк шаламовского письма действительно был не тот. Видимо, у Шаламова, как и у Войновича, был незванный соавтор – и это тоже играло против автора «Колымских рассказов».

* * *

Частные случаи очень часто отражают некий принцип. И, видимо, пример Шаламова – лишнее тому подтверждение. К концу 1960 – началу 1970-х годов в СССР был отлажен механизм воздействия на близких к диссидентству или уже перешедших эту черту писателей. Иногда кнутом – задерживая публикации и лишая таким образом писателя денег, а иногда и пряником – обеспечивая публикацию и гарантируя хотя бы временное безбедное существование – ЦК КПСС мог контролировать действия литераторов. Посредником при этом часто становились Комитет госбезопасности и Союз советских писателей. Таким образом, решалась важнейшая задача подчинения писателя государству, что было особенно важно в эпоху появления самиздата и тамиздата, открывавших перед литераторами возможности нелегальной публикации и дополнительных не контролируемых государством доходов. Альтернативой неподчинения могла быть эмиграция, лишавшая писателя доступа к основной русскоязычной аудитории, а также высокого легального заработка. Бюджет эмигрантских издательств все же невозможно было сравнить с бюджетом издательств советских. Однако особенности функционирования подобного механизма еще не описаны – это тема отдельного серьезного исследования.

Важно при этом отметить, что публикация протестного письма, целью которого было восстановление честного имени советского писателя, неизбежно приводила к репутационным потерям иного рода. Однако затрагивало это исключительно самого автора и издание, против которого он выступал. Неприкосновенной оставалась лишь репутация советской прессы, поддержавшей оскорбленного литератора и предоставившей ему возможность высказаться.

Примечания

- ¹ *Шаламов В.Т.* Огниво. М.: Советский писатель, 1961; *Он же.* Шелест листьев. М.: Советский писатель, 1964; *Он же.* Дорога и судьба. М.: Советский писатель, 1967; *Он же.* Московские облака. М.: Советский писатель, 1972; *Он же.* Точка кипения. М.: Советский писатель, 1977.
- ² *Есипов В.В.* Шаламов. М., 2012. С. 245–250.
- ³ *Шаламов В.Т.* Проза, стихи // Новый мир. 1988. № 6. С. 106–151.
- ⁴ См., например: *Шаламов В.Т.* Колымские рассказы // Новый журнал. 1966. № 85. С. 5–34; *Он же.* Колымские рассказы // Там же. 1968. № 91. С. 5–23; *Он же.* Колымские рассказы // Там же. 1969. № 96. С. 31–44.
- ⁵ *Шаламов В.Т.* Калигула; Почерк // Посев. 1967. № 1. С. 3–4.
- ⁶ *Шаламов В.Т.* Рассказы // Грани. 1970. № 76. С. 16–83; *Он же.* Рассказы // Там же. 1970. № 77. С. 15–48.
- ⁷ *Шаламов В.Т.* В редакцию «Литературной газеты» // Лит. газ. 1972. 23 февр.
- ⁸ *Есипов В.В.* Указ. соч. С. 295.
- ⁹ *Сиротинская И.П.* Долгие, долгие годы бесед // Сиротинская И.П. Мой друг Варлам Шаламов. М., 2006. С. 31.
- ¹⁰ Там же. С. 51.
- ¹¹ *Гладков А.К.* Дневник // Новый мир. 2014. № 1. С. 142–161; № 2. С. 127–161; № 3. С. 133–167; № 10. С. 141–168; № 11. С. 129–148; Новый мир. 2015. № 5. С. 139–170; № 6. С. 131–155; *Он же.* Дневниковые записи: 1971 год // Знамя. 2015. № 5. С. 157–176; № 6. С. 136–159; *Он же.* Дневниковые записи: 1972 год // Знамя. 2016. № 3. С. 152–175.
- ¹² См.: *Михеев М.Ю.* Одержимый правдой: Варлам Шаламов – по дневникам Александра Гладкова. [Электронный ресурс] URL: <http://shalamov.ru/research/215/> (дата обращения: 30.03.2016).
- ¹³ *Геллер М.Я.* Российские заметки: 1969–1979. М.: МИК, 1999. С. 144–145.
- ¹⁴ *Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛаг: 1918–1956: Опыт художественного исследования. Ч. 3, 4. Paris: YMCA-PRESS, 1974. С. 610.
- ¹⁵ *Сиротинская И.П.* Указ. соч. С. 43.
- ¹⁶ Не тот почерк // Посев. 1972. № 4. С. 9.

- ¹⁷ См. подробнее: *Бит-Юнан Ю.Г., Митюшова А.С.* Между «Новым миром» и «Посевом»: К судьбе запрещенных произведений Е.С. Гинзбург и В.С. Гроссмана // Вестн. РГГУ. 2015. № 5. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. С. 61–72.
- ¹⁸ Цит. по: *Есипов В.В.* Указ. соч. С. 294.
- ¹⁹ *Галич А.А.* Песни. Франкфурт н/М.: Посев, 1969.
- ²⁰ *Максимов В.Е.* Семь дней творения. Франкфурт н/М.: Посев, 1971.
- ²¹ *Максимов В.Е.* Карантин. Франкфурт н/М.: Посев, 1973.
- ²² *Адамович Г.В.* Стихи автора «Колымских рассказов» // Русская мысль. 1967. 24 авг.
- ²³ См.: *Михайлов О.Н.* В Круге девятом: Варлам Шаламов // Слово. 2003. 14 марта.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ *Рар Л.А.* Ответ «Литературной газете» // Посев. 1972. № 4. С. 9–10.
- ²⁶ См., например: *Шаламов В.Т.* Три смерти доктора Аустино // Октябрь. 1936. № 1. С. 127–129; *Он же.* Возвращение // Вокруг света. 1936. № 12. С. 6–8.
- ²⁷ *Шаламов В.Т.* Стланик // Сельская молодежь. 1965. № 3. С. 2–3.
- ²⁸ *Шаламов В.Т.* Колымские рассказы // Новый журнал. 1966. № 85. С. 5–34.
- ²⁹ *Бродячий актер.* Последний страшный рассказ // Посев. 1972. № 4. С. 10.
- ³⁰ *Шаламов В.Т.* Эсперанто // Грани. 1970. № 76. С. 16–22.
- ³¹ Варлам Шаламов в свидетельствах современников: Сб. / Сост. Д. Нич. Личное издание, 2014. С. 1049. [Электронный ресурс] URL: http://imwerden.de/pdf/shalamov_v_svidetelstvakh_sovremennikov_5_izd_2014.pdf (дата обращения: 30.03.2016).
- ³² *Гинзбург Е.С.* Крутой маршрут // Грани. 1967. № 64. С. 81–111; № 65. С. 51–99; № 66. С. 45–149; 1968. № 67. С. 71–88; № 68. С. 9–100.
- ³³ *Марченко А.Т.* Мои показания. Франкфурт н/М.: Посев, 1969.
- ³⁴ *Горянов С.* Под письмом стоит ваша подпись // Посев. 1972. № 4. С. 10–11.
- ³⁵ *Сиротинская И.П.* Указ. соч. С. 42–43.
- ³⁶ Цит. по: *Михеев М.Ю.* Указ. соч.
- ³⁷ *Шаламов В.Т.* Московские облака. М.: Советский писатель, 1972. С. 128.
- ³⁸ *Войнович В.Н.* Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина: Роман-анекдот: В 5 ч. Ч. 1 // Грани. 1969. № 72. С. 3–83.
- ³⁹ *Войнович В.Н.* В редакцию «Литературной газеты» // Лит. газ. 1970. 14 окт.
- ⁴⁰ *Войнович В.Н.* Автопортрет: роман моей жизни. М.: Эксмо, 2011. С. 506–507.
- ⁴¹ См.: *Сарнов Б.М.* Жизнь и необычайные приключения писателя Владимира Войновича // Книжное обозрение. 1989. 27 янв.